

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**БРОНЕБОЙНЫЙ
ЭКИПАЖ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Бронбойный экипаж / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-097568-6

Осень 1941 года. Враг у стен Москвы. Один из плацдармов удерживает сводный механизированный корпус, в котором сражается экипаж танка Т-34 младшего лейтенанта Алексея Соколова. В самый разгар боев танкисты получают задание: в составе оперативной группы захватить и удержать населенный пункт, в окрестностях которого разведчики будут искать пропавшие советские реактивные снаряды с секретным топливом. Соколов понимает: чтобы выполнить приказ, рассчитывать надо не только на крепкую броню и могучее орудие, но и на проверенную солдатскую смекалку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097568-6

© Зверев С.И., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

К вечеру дорога опустела. После шести часов по ней проехала только одна телега, в которой сидел не немецкий солдат, а какой-то местный дедок, безуспешно подгоняя усталую клячу голосом и подстегивая ее вожжами. Когда телега скрылась за дальним поворотом, на опушку вышел человек в немецкой форме с погонами обер-лейтенанта. Он долго стоял, почти не шевелясь, прислушиваясь и вглядываясь в лес на противоположной стороне.

В этой предвечерней тишине особенно угнетающе выглядело шоссе. Вправо и влево, на сколько хватало взгляда, на обочинах стояли и лежали грузовики, легковые автомашины, мотоциклы, телеги, передки артиллерийских орудий. Все — разбитое, разбросанное взрывами, сгоревшее частично или дотла. Обуглившаяся древесина, почерневшее железо и еще вполне уловимый запах гари.

Часть воронок еще не была засыпана, немцы починили проезжую часть, стащив на обочины

остатки машин. Зрелище было страшное, невольно представлялась хорошо знакомая картина первых недель войны, когда по дорогам шли колонны военных, текли потоки беженцев. В воздухе вдруг появлялись немецкие бомбардировщики и с ужасным воем начинали пикировать на шоссе. Черные разрывы бомб разбрасывали машины и людей, все начинало гореть, взрываться. Кричали люди, ржали и рвали построжки обезумевшие лошади, ревели двигатели. А бомбы сыпались и сыпались. Через несколько минут на дороге оставались лишь трупы, смрад и гарь. И в установившейся тишине, которая была еще страшнее бомбежки, вдруг начинали кричать раненые, женщины плакали и звали детей. Вот она, обратная сторона войны, победного шествия по чужой стране.

Рядом с обер-лейтенантом как из-под земли вырос человек в маскировочном костюме, с автоматом ППШ в руках.

— Глядите-ка, как у них все культурно, мать их в душу, — зло произнес человек. — В шесть уже ни одной машины. Все делается с девяти и до шести. Рабочий день, значит, закончился. Как у себя дома...

— Ладно, Фильченко, приступайте, — сказал ему обер-лейтенант по-русски.

— Есть, — кивнул человек в маскировочном костюме и, не оборачиваясь, махнул рукой.

Из леса неслышно появились еще четверо бойцов в таких же маскировочных костюмах.

БРОНЕБОЙНЫЙ ЭКИПАЖ

— Акимов, готовь на всякий случай рацию, чтобы не мешкать, если найдем, — приказал Фильченко. — Захаров со мной, Абдуллаев и Жогин направо. Смотреть внимательно по сторонам. Немец, он, конечно, не любит в неурочное время за ворота выходить, только если до ветра. Но у войны свои порядки. Может и колонна неожиданно пройти, может и припоздавший какой-нибудь начальник с охраной проехать. Чтобы тихо у меня, как тени!

Молодой радист вернулся в густой молодой березняк и поставил на землю вещмешок с радиостанцией. Остальные бойцы осторожно двинулись вдоль разбитой техники, осматривая каждую машину, каждую грудку железа, перевернутую повозку. Шли быстро, но действия каждого разведчика отличались точностью и неторопливостью. Первым делом — проверка на минирование или на неразорвавшиеся боеприпасы. И авиационные бомбы, и артиллерийские снаряды, и мины не всегда взрываются при падении на землю. Иногда они могут лежать так довольно долго, в зависимости от причины, по которой не сработал взрыватель.

Слева, со стороны городка Лыков Отрог, слышался шум моторов. Фильченко повернул голову и прислушался. Это не одиночная машина. Грузовики! Он посмотрел на Абдуллаева и Жогина — ребята присели за обломки машины и замерли. Самому Фильченко было ближе забраться под перевернутую телегу и скрыться в ворохе солом.

Захаров, осматривавший перед этим перевернутый грузовик, шагнул в сторону, под свисавший ключьями брезентовый тент. Он не сразу почувствовал, как под ногой чуть шевельнулась оторванная от борта грузовика доска, а за рокотом приближающихся немецких машин не слышал, как с легким звоном отлетела в сторону скоба спускового рычага гранаты и зашипел запал. Выпавшая, видимо, из чьей-то руки граната с выдернутой чекой лежала здесь две недели, случайно прижатая доской. На войне никогда нельзя зарекаться от случайностей и думать, что все зависит от тебя самого.

Взрыв гранаты Ф-1 оглушил разведчика. Ни один из осколков его не задел, но ступню практически оторвало взрывом. Сержант Захаров на глазах немцев, уже остановивших свои машины, упал возле перевернутого грузовика. Он слышал крики вражеских солдат и, теряя сознание от боли, сделал то, что единственное мог и должен был сделать в этой ситуации. Принять бой, вызвать огонь на себя, дать возможность товарищам скрыться в лесу.

Старшина Фильченко видел, как Захаров полз к дороге и стрелял. Потом пуля попала ему в голову, и капюшон маскировочного костюма окрасился кровью.

— Ребята, в лес! — крикнул старшина, выхватывая автомат из рук мертвого Захарова. — Уходите, я прикрою.

Положив стволы автоматов перед собой на край брошенной телеги, он стрелял с двух рук,

БРОНЕБОЙНЫЙ ЭКИПАЖ

используя высокую скорострельность ППШ, буквально заливая пулями обочину дороги, из-за которой немцы пытались подняться в атаку. Когда кончились патроны, старшина взялся за гранаты. Он бросил две. Гранаты перелетели через дорожное полотно и взорвались на другой стороне. Третью Фильченко бросить не успел. Две пули пробили его грудь, он упал навзничь, уставившись мертвыми глазами в темнеющее небо.

Разведчики не смогли отойти в лес. Немцы стали охватывать с двух сторон место странного взрыва, где неожиданно появился русский. Несколько минут, и напряженный бой закончился. Кроме еще двух русских в маскировочных костюмах возле дороги, немцы обнаружили в березняке радиста, который подорвал себя и рацию гранатой. Судя по тому, что проволочная антенна была заброшена высоко на дерево, рация была готова к сеансу связи, а может быть, он уже состоялся, прежде чем погиб радист.

Измотанные в боях пехотинцы шли, понуриив головы. Осень 41-го года была холодной. Серые снеговые тучи ползли по мрачному небу так низко, что, казалось, задевали верхушки деревьев. Начавшийся с утра снег начал таять и превратил дорогу в черное месиво. Холодный октябрьский ветер трепал рваный брезент на кузове застрявшей полуторки, которую безуспешно пытались вытолкнуть десяток обозленных матерящихся красноармейцев. В заляпанных до пояса шине-

лях, еле вытягивая ноги из липкой непролазной грязи, они провожали хмурыми взглядами проехавшую мимо «тридцатьчетверку» с бортовым номером 077.

Алексей Соколов сидел в люке башни в самом мрачном настроении. Уже октябрь, морозы, скоро наступит настоящая зима, а Красная армия все отступает. Не бежит, конечно, сражается, цепляясь за каждую удобную позицию, отбивает атаку за атакой, но потом снова уходит на восток.

Младший лейтенант со своим опытом командира танкового взвода, который вступил в бой на второй день войны, видел это именно так, потому что был в первых рядах воюющих. Он ходил со своими танкистами в контратаки, держал оборону, шел на восток, оставляя деревни и города. И смотрел в глаза их жителям.

Но как командир Красной армии, Алексей понимал и другое. Все не так, как видится. Не армия слаба, не техника уступает немецкой. Где-то командование проигрывало в тактике, а может, и в стратегии. Вермахт наступает, используя фланговые охваты, как стальными клещами сжимающая советские части танковыми дивизиями и механизированными армейскими группами. Или врывается, найдя слабое место в обороне Красной армии, мощным клином все тех же танковых армий, рассекает и уходит на оперативный простор, а следом идут механизированные части, успевающие за танками, которые добивают расчлененные, окруженные подразделения.

БРОНЕБОЙНЫЙ ЭКИПАЖ

Отступление Красной армии происходит потому, что командование снова и снова выводит подразделения из возможных котлов, отводит на новые позиции, где можно организовать оборону, накопить силы и провести ответную наступательную операцию. Но немцы снова и снова не дают такой возможности.

Соколов как командир, закончивший танковую школу прямо перед войной, хорошо знал, что в училищах, военных школах и академиях не учили действиям подразделений, частей и соединений при отступлении. Только вперед, только наступательный бой. Действия в обороне, и снова наступление. Стальным кулаком выбить врага с территории страны и добить его в его же логове!

Алексей слышал историю одного старого генерала, который воевал еще в царской армии, а потом перешел на сторону советской власти, когда совершилась революция. Он попытался в академии, где преподавал тактику, начать давать темы арьергардных боев. Его обвинили в пораженчестве и антисоветской деятельности. А как бы сейчас пригодились эти знания и опыт, эта нужная теория — действия частей и соединений в условиях отступления. А без этой теории были бессмысленные и плохо подготовленные атаки механизированных корпусов в лоб танковым клиньям немцев. Сколько танков потеряно бессмысленно, сколько их осталось в Белоруссии и на Украине...

Прикрывая отходы своей части, Соколов вчера потерял два танка. Пятеро ребят сгорели, трое

отправлены в госпиталь с сильными ожогами. Да и «семерке» досталось так, что она чудом осталась на ходу. Заклинило курсовой пулемет на башне, саму башню тоже заклинило — немецкая болванка угодила под нее. Последние полчаса боя приходилось делать грубую наводку всем корпусом танка, а потом уже доводить орудием. Если бы не мастерство Бабенко, экипажу бы не выжить. Механику-водителю приходилось так дергать машину, так рвать фрикционы, выводя танк из-под огня немцев, что Соколов и не надеялся, что «семерка» вообще сможет двигаться после такого боя.

Разбрызгивая грязь и покачивая стволом пушки на неровностях дороги, «тридцатьчетверка» шла, обгоняя пехоту. Вдруг с громким скрежетом танк сбавил скорость, а затем и остановился совсем.

— Бабенко! — командир прижал к горлу ларингофоны ТПУ. — Что такое?

— Все, товарищ командир, — раздался в шлемофоне голос механика-водителя. — Левый фрикцион сдох!

Соколов выругался, отсоединил кабель от шлемофона и вылез из башни. Спрыгнув на землю, он прошел вдоль борта, мысленно сетуя на железного друга. Что в бою не подвел, спасибо. Но теперь-то? В чистом поле? Алексей похлопал танк по броне и подошел к люку механика-водителя. Бабенко смотрел на командира виновато.

— Ну что, Семен Михайлович?

БРОНЕБОЙНЫЙ ЭКИПАЖ

— Только в мастерские. Трансмиссию перебирать надо, — сказал механик. — Встали мы капитально. Мыслимо ли, такой бой выдержать!

— Что делать будем, товарищ младший лейтенант? — раздался еще голос, и рядом с Бабенко появилось носатое лицо радиста Омаева. — Связаться с нашим комбатом?

— Давай, Руслан, — кивнул Соколов, поставив локти на броню и опустив на них голову. — Только не получится. Наш батальон еще неделю назад перебросили на правый фланг, на танкоопасное направление. Не возьмет рация.

— В чем дело? — раздался за спиной властный голос. — Почему танк стоит, когда все движется к намеченным рубежам? Командир танка, ко мне!

Соколов обернулся удивленно и увидел оставившуюся черную «эмку», которую бойцы выталкивали из большой лужи на относительно сухую обочину. В нескольких метрах от танка стоял широколицый мужчина в форме с одним ромбом в красной петлице и нашивками бригадного комиссара на рукаве. Алексей невольно вытянулся, как того требовал устав, но страшная усталость мешала согнать с лица угрюмое выражение.

— Я сказал, командир танка ко мне! — снова заорал комиссар с перекошенным покрасневшим от злости лицом.

— Давайте я подойду? — предложил сверху Логунов. — Все ж таки я командир отделения, командир танка. Не нравится он мне.

— Всем оставаться в машине, — приказал Соколов, почти не разжимая губ, и подошел к комиссару. Вскинул ладонь к шлемофону.

— Почему танк стоит? — пошатнувшись, комиссар ухватился рукой за локоть подбежавшего к нему старшего политрука. — Почему не в бою?

Соколов обрадовался, что не пришлось представляться этому человеку. Хотя разговор еще не окончен, и чем он может закончиться, угадать сложно. Комиссар был явно не в себе и тем более пьян. Наверняка удирал откуда-то с передовой, не дождавшись штаба или своего политотдела. А теперь маскирует свою трусость гневом и пытается обвинить в трусости других, не разобравшись, в чем дело. С такими типами младшему лейтенанту уже приходилось сталкиваться, цену такому «гневу» он знал хорошо.

— Танк неисправен, — ровным голосом стал докладывать Соколов. — Мы несколько часов назад вышли из боя, прикрывая отход наших частей. Машина получила повреждения и теперь не может самостоятельно двигаться. Нужно отбуксировать танк в ремонтную мастерскую полка.

— Какой буксир? — снова начал орать комиссар. — Фашисты идут по пятам. Вы будете здесь торчать до тех пор, пока новейший советский танк не захватит враг? Или вы умышленно намерены передать его немцам? Я приказываю немедленно взорвать неисправный танк и следовать дальше вместе с частью!

БРОНЕБОЙНЫЙ ЭКИПАЖ

— Товарищ бригадный комиссар, — сдерживая бешенство, заговорил Соколов. — Боевой устав предписывает охранять и защищать поврежденный на поле боя танк и принимать меры к его транспортировке в ремонтное подразделение. В случае невозможности спасти материальную часть и угрозы захвата ее врагом устав предписывает уничтожить танк. Сейчас я не вижу поблизости врага и могу организовать транспортировку...

— Что? — разъяренно пучил глаза комиссар. — Как ты смеешь! Фамилия! Твоя фамилия, младший лейтенант? Какой младший лейтенант, рядовой, рядовой штрафной роты, вот ты кто! Под трибунал пойдешь! Фамилию его запиши.

— Так точно, товарищ бригадный комиссар, — уверял лейтенант, который поддерживал пьяного политработника и пытался увести его к машине. — Обязательно запишу.

Соколова трясло от возмущения и злости. Его, с первых дней войны не покидавшего передовой, прошедшего столько боев, вдруг обвиняют в трусости, даже в предательстве! Рука сама рвалась к кобуре с пистолетом. Алексей не знал, что он будет с ним делать, но стойкий рефлекс уже выработался. В состоянии крайнего напряжения рука сама хваталась за оружие. И уже совсем теряя от возмущения контроль над собой, он готов был вскинуть руку к шлемофону и выкрикнуть свою фамилию, заорать так, чтобы этот пьяница или трус бригадный комиссар даже в таком состоянии запомнил его. На всю жизнь запомнил.